

Дмитрий Филиппенко

ПЕРЕЛИВАЕТСЯ НА ФОТО ВЕЧНОСТЬ

ПРОВОДЫ

Почернела внезапно луна,
Ветер с крыши срывает антенну.
Провожает шахтера жена
На войну. На войну — не на смену.

В сонной печке стрекочут дрова,
На столе пироги и окрошка.
Муж от пыли глаза отмывал.
Все равно не отмылось немножко.

Дочь рыдает, и плачет сынок.
Лишь бы воздуха в легких хватило.
Но жена собрала тормозок,
Горняка на войну отпустила.

ДЕД

Забор с почтовым ящиком стоит.
Гниет штакетник, скоро покосится.
Калитка на одной петле висит.
Застыло время в мертвых половицах.

В зеленом доме шепчет мягкий свет,
Но скоро замолчит на полуслове.
В сарай дрова несет горбатый дед.
К зиме последней уголь приготовил.

Дмитрий Александрович Филиппенко родился в 1983 году в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Юность», «Дальний Восток», «Родная Ладога», «Берега», «Нева», «Сибирь» и др., в «Литературной газете». Автор семи книг стихотворений. Лауреат премий им. В.А. Макарова, им. В.М. Баянова, литературной премии «Слово» (Москва). Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Ленинске-Кузнецком.

Он вспоминает сына, дочь, жену.
На черно-белом снимке все в обнимку.
Он не забудет страшную войну.
И снова снятся Оля, Света, Димка.

Шахтерской славы полный кавалер,
Но не хватает молока и хлеба.
На кладбище уснул пенсионер,
Где три креста в оградке цвета неба.

ЗВЕЗДА

Он думает, что не сойдет с ума.
И не умрет, дождетсЯ он победы.
Донецкая звезда идет по следу
Макеевской луны. Стоит зима.

Горячий снег не обжигает грудь,
И он летит на огонек свободы.
Он выживет — и свой продолжит путь.
Он крепкий, ведь шахтерской он породы.

И где-то там в любимом далеке
Услышит хрип больного контрабаса.
Он воевал на маленьком клочке
Большой страны с Кузбассом и Донбассом.

НА ЗЕМЛЕ

Когда-нибудь я выживу, мамуль.
Пройду войну и искупаюсь в мире.
И соберу друзей в своей квартире,
По двести грамм — и будет все нормуль.

Однажды повстречаю я жену,
Она родит голубоглазых дочек.
Мы будем отдыхать в зеленом Сочи.
И я совсем забуду про войну.

На даче облепиху посажу.
На пенсии начну писать рассказы.
Мне хочется сейчас всего и сразу,
Но я убит и на земле лежу.

ЛЕША ЖУКОВ

Кралась ночь, не проронив ни звука.
Месяц плыл с мешком на голове.
От врагов скрывался Леша Жуков,
Прятался в таежной синеве.

Над Кольчугино война кружила.
Против сына шли отец и мать...
Бабушка Алешку приютила,
Накормила, уложила спать.

А когда заря в Иню впадала,
Белая беда в село пришла.
Бабушка впустила генерала,
Красного Алешку предала.

СЧАСТЛИВЫЙ

Январь ворвался тьмою ледяной
В шахтерский город. Замолчали птицы.
Со смены топал старый и больной
Шахтер — домой напиться и забыться.

Жена ушла, и дети далеко.
И не звонят, не приезжают в гости.
И по столу ударить кулаком
Так хочется, но не хватает злости.

Звонок раздался в тишине родной.
Звонила дочь, и папа улыбнулся.
И стал счастливым. Старый и больной,
Шахтер уснул, но больше не проснулся.

* * *

Убрал на фотографии морщины
Художник у немого старика.
Морщины — словно слезы у мужчины,
И в них хранится времени река.

Как будто деду не хватает вдоха,
И выдает густая седина.
Закончилась советская эпоха.
На черно-белом снимке тишина.

Но в мудром взгляде тает бесконечность,
И вспоминают дети об отце.
Переливается на фото вечность.
Как лед, блестит на молодом лице.